

МИХАИЛ ЭМ
МЕДВЕДЕВ М. Ю.
ГАРИФУЛЛИНА И.

Об экономике —
с улыбкой

ОМК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОБ ЭКОНОМИКЕ – С УЛЫБКОЙ

*Не рекомендовано
Министерством просвещения Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по экономическим специальностям.
Студенты, прочитавшие эту книгу,
будут отчисляться из учебных заведений
за систематические прогулы*

2-е издание, электронное

Москва, 2023

УДК 330
ББК 65.0
Г20

Гарифуллина, Ирина.

Г20 Об экономике — с улыбкой / И. Гарифуллина, М. Ю. Медведев, М. Эм. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 313 с. — Москва : ДМК Пресс, 2023. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-89818-381-3

В сборник вошли: детская учебная сказка по экономике Михаила Эм, художественный самоучитель по бухгалтерскому учету М.Ю. Медведева и бухгалтерские пародии Ирины Гарифуллиной. Всех этих авторов, таких разных, объединяет одно замечательное свойство: об экономике они говорят с улыбкой.

УДК 330
ББК 65.0

Электронное издание на основе печатного издания: Об экономике — с улыбкой / И. Гарифуллина, М. Ю. Медведев, М. Эм. — Москва : ДМК Пресс, 2012. — 312 с. — ISBN 978-5-94074-765-9. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-89818-381-3

© Гарифуллина И., 2012
© Медведев М. Ю., 2012
© Эм М., 2012
© Оформление, ДМК Пресс, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Эм

Экономическая история за неделю 4

Медведев М. Ю.

Волшебная бухгалтерия..... 90

Ирина Гарифуллина

Бухгалтерские пародии 176

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗА НЕДЕЛЮ

Предисловие

Уважаемые дети!

Вам, разумеется, известно, что Робинзон — герой знаменитого романа английского писателя Даниэля Дефо. Робинзон попадает на необитаемый остров, где с ним случается множество увлекательных происшествий. Книга о Робинзоне приобрела такую популярность, что примеру Даниэля Дефо последовали другие писатели, которые стали отправлять своих героев на необитаемые острова. Скоро в мировом океане не осталось необитаемых островов, не заселенных литературными Робинзонами. Какую книгу не откроешь, первым делом видишь необитаемый остров с пальмой посередине и маленькую человеческую фигурку, призывно размахивающую руками.

Такие книги — о людях, попавших на необитаемый остров, — стали называть робинзонадами. Самой удачной робинзонадой в мировой литературе — после «Робинзона Крузо», разумеется, — стал роман французского писателя Жюль Верна «Таинственный остров». Вы его наверняка читали... ну, просто обязаны были прочитать, а если еще не прочитали, немедленно пойдите и библиотеку и прочитайте. Очень интересная книга, честное слово.

Казалось бы, сочинять «робинзонады» после Даниэля Дефо и Жюль Верна нет никакого смысла — все равно лучше не напишешь, — однако вошедшие в раж писатели не унимались. Отчаявшись создать более значительное литературное произведение, они дошли до того, что принялись сочинять в форме робинзонад экономические трактаты. То есть они помещали героя на необитаемый остров и начинали следить за тем, как бедняга выкручивается из сложных жизненных ситуаций — таким способом авторы демонстрировали действие своих экономических теорий. Хотя в этом имелся определенный резон: Даниэль Дефо, помимо того что был писателем, был еще и опытным экономистом, так что помещать героя на необитаемый остров — прихоть, конечно, экономическая.

Я по примеру прославленных коллег тоже решил отправить героя на необитаемый остров. Но то ли автором я оказался неопытным, то ли мой Робинзон в сравнении с их Робинзонами имел чересчур самостоятельный характер, но учебника как-то не получилось. Получилась веселая книжка о том, какие

тяжелые мысли одолевают Робинзона на его необитаемом острове, какие трудности приходится ему преодолевать и как понемногу, кирпичик за кирпичиком, выстраивается на необитаемом острове причудливый экономический мир.

Прочитайте сами, что у меня получилось...

День первый

Кораблекрушение. — Хорошо, что надувные матрасы умеют плавать. — Необитаемый остров. — В поисках места для ночлега и поисках пищи. — Съедобные раковины на побережье. — Что такое натуральное хозяйство? — Туземцы. — Взаимовыгодный экономический обмен.

Большинство людей не подозревает, откуда в холодильнике берется еда, почему нельзя бросать мимо урны конфетные обертки и кто платит за бесплатные полиэтиленовые пакеты в супермаркете. Эти люди пользуются благами цивилизации, не задаваясь вопросом, каким образом блага человечеству достаются — но ровно до тех пор, пока не окажутся предоставлены сами себе. Тут-то им и приходится поломать голову над важными хозяйственными мелочами, над которыми они раньше и не задумались бы.

— Стюард, фруктовый коктейль, пожалуйста! И поживее! — крикнул Робинзон стюарду, как поступал всегда, когда ему чего-нибудь хотелось.

Стюард — это официант на корабле. Из того, что Робинзон позвал стюарда, а не простого официанта, вы можете заключить, что Робинзон находился на корабле. И это будет совершеннейшей правдой, потому что Робинзон действительно находился на палубе корабля — огромного океанского лайнера, плывущего посреди бескрайнего океана. А из того, что на корабле находился Робинзон, а не кто-нибудь еще — допустим, Иванов или Сидоров, — вы можете догадаться, что вскоре он окажется на необитаемом острове. Хотя об этом уже говорилось в предисловии.

Стюард — воплощенная любезность — исполнил заказ, и развалившийся на надувном матрасе Робинзон принялся потягивать из соломинки коктейль из свежих тропических фруктов, какие в изобилии имелись в судовом буфете.

В этот момент — сразу после того, как стюард подал заказанный Робинзоном фруктовый коктейль, — на горизонте подозрительно потемнело. Если быть точным, сначала на горизонте возникла тоненькая фиолетовая полоска, на которую никто из пассажиров океанского лайнера не обратил внимания. Вскоре фиолетовая полоска стала потолще и погуще. Через некоторое время она разрослась настолько, что стало заметно: полоска на горизонте состоит из клубящихся туч и посверкивающих древовидных молний. При этом полоска быстро приближалась в направлении судна.

— Буря, надвигается буря! — провидчески объявил капитан.

Вняв капитанскому предупреждению, судовая команда очнулась и забегала туда-сюда. Робинзон видел, как мимо него проносится стюард, уже не казавшийся воплощенной любезностью, а боцман стаскивает с бельевой веревки развешенные для просушки подштанники.

— Спустить бом-брамселя! Проверить помпы! Укрепить пакетботы! — слышались со всех сторон выкрики озабоченных матросов.

Возможно, матросы кричали что-то другое, я точно не знаю: никогда не имел дела ни с бом-брамселями, ни с пакетботами. И Робинзон тоже не имел с ними дел, поэтому нимало не встревожился. Он пребывал в абсолютной уверенности, что лайнер — такой большой! такой океанский! такой непотопляемый! — доставит его к месту назначения невзирая ни на какую непогоду, поэтому продолжал лежать на надувном матрасе, потягивая из трубочки фруктовый напиток.

Между тем фиолетовый цвет заполнил полнеба. Изредка из небесной мути выскакивали пламенные зигзаги, и по прошествии минуты до людей доносился адский грохот.

Смущенный происходящим, Робинзон решил все-таки спуститься в каюту переждать непогоду. Увы, он не успел даже приподняться со своего надувного матраса! Первый же обрушившийся на людей ураганный шквал не только унес надувной матрас с Робинзоном в открытый океан, но и закрутил океанский лайнер как щепку, второй ураганный шквал обломал на лайнере мачты и снес палубные надстройки, включая кабинки для переодевания и барные стойки, третий ураганный шквал переломил могучую посудину надвое и был таков. Краем глаза Робинзону удалось заметить, как расколотый надвое океанский лайнер, гордость океанского флота, камнем идет на дно, оставляя над собой крутящуюся пенную воронку. В эту воронку со непреодолимой силой засасывало вымытые из корабельного буфета тарелки, а также пассажиров, тщетно пытающихся противиться разбушевавшейся стихии.

Так Робинзон остался с океаном один на один.

Положение было отчаянным, но наш герой не пал духом, а, взбадривая себя мыслью о том, что и этот кошмар когда-нибудь закончится, продолжал потягивать фруктовый коктейль, в то время как его надувной матрас несло по гребням волн со скоростью экспресса. Сладкий напиток захлестывало соленой морской водой, соломенная трубочка едва не переламывалась под напором ветра, однако Робинзон продолжал лежать на надувном матрасе, потягивая коктейль и надеясь, что кто-нибудь о нем позаботится. Должен же был кто-нибудь о нем позаботиться, в самом деле?! Например, команда океанского лайнера, обязанная доставить каждого пассажира к месту назначения.

Так думал Робинзон, поэтому не слишком удивился, когда его надувной матрас вынесло на какой-то остров, протащило по песку еще добрые полсотни метров и там, в относительной безопасности от бушующих волн, оставило.

Продолжая полеживать на надувном матрасе с бокалом коктейля в руке, измученный перенесенными испытаниями Робинзон на минуту смежил веки,

а когда открыл их, ветер почти утих, сквозь поредевшие тучи проглянуло солнце, а небесный свод вновь сделался пронзительно-лазоревым, словно никакого кораблекрушения не было.

— Стюард, еще один коктейль и сухое полотенце! — бросил Робинзон в пространство.

Никто, конечно, не появился.

— Стюард, вы что, оглохли? Что за дела?! — крикнул Робинзон во второй раз, а чтобы его наверняка услышали, трижды прохлопал в ладоши.

Никто к нему по-прежнему не подошел.

Раздосадованный Робинзону подумал, что на разгильдяя-стюарда следует пожаловаться капитану, но потом сообразил, что капитан канул в той же морской пучине, что и остальные члены экипажа, включая стюарда, так что жаловаться оказалось не на кого и некому.

Укоризненно покачав головой по поводу такого невезения, Робинзон поднялся с надувного матраса и решительно направился в каюту, чтобы умыться и как следует выспаться. Не тут-то было! Каюты у Робинзона тоже не было — у него не было буквально ничего! Все, что у Робинзона осталось, это надувной матрас и бокал с соломенной трубочкой из-под коктейля: остальные блага цивилизации, которыми он настолько привык пользоваться, что попросту не замечал, канули в прошлое. Кораблекрушение произошло слишком уж неожиданно, когда он меньше всего ожидал. Так обычно случается: только-только устроиться на диване, или нальешь себе чашку горячего чая со сливовым вареньем, или просто вздохнешь с облегчением — как, мол, замечательно жить на белом свете, когда текущие дела позади, — как тут такое начинает твориться... или на месте аппендицита почувствуешь дергающие боли, или трубу отопления у соседей этажом выше прорвет, в крайнем случае окажешься в эпицентре небольшого землетрясения. Не успеешь насладиться спокойствием, как спокойствия не бывало.

Тут-то до Робинзона дошел ужас произошедшего. Он оказался совершенно один на необитаемом острове, и куда ему было податься? Податься было совершенно некуда, поэтому приходилось рассчитывать на собственные силы. Для того, чтобы выжить, следовало, не мешкая приступить к строительству на необитаемом острове экономики.

А вы, уважаемые дети, знаете, что такое ЭКОНОМИКА? В переводе с древнегреческого экономика означает «ведение хозяйства».

Для Робинзона построить экономику означало: завести какое-никакое хозяйство, — а какое хозяйство мог завести на необитаемом острове джентльмен с затонувшего судна, в одних плавках и соломенной трубочкой от коктейля в руке? Робинзон не имел об этом ни малейшего представления. Он и о самой-то экономике слышал мельком, но подумал:

«Кто его знает, какие холодные ночи бывают на необитаемом острове?»

Подумав так, Робинзон решил обзавестись какой-нибудь, кроме купального костюма, одеждой, а еще найти, где переночевать. Побережье выглядело

малопригодным для ночлега, а хлопать в ладоши, призывая стюарда, было совершенно бесполезно — в этом он уже убедился.

Приняв решение, Робинзон окончательно покинул надувной матрас и нарвал широких и плотных листьев неизвестного ему местного кустарника. По краям широких листьев кустарника проходил ряд острых загнутых шипов, поэтому листья легко сцеплялись друг с другом. Из этих листьев Робинзон скроил себе что-то наподобие рубашки и штанов, а чтобы одежда держалась на теле, отломал длинный кусок свисающей с дерева лианы и обмотался им вместо ремня.

Существенно таким способом утепившись, Робинзон сдул надувной матрас, скатал в трубочку и сунул себе подмышку, после чего углубился в непроходимые джунгли, которым зарос его необитаемый остров.

В поисках подходящего места для ночлега Робинзон бесстрашно пробирался все глубже и глубже в незнакомый лес. Местность понемногу повышалась. То и дело между деревьев начали попадаться каменные валуны, создававшие вполне себе уютные местечки — но, по мнению Робинзона, все же недостаточные уютные для того, чтобы назвать их ночлегом.

Вскоре перед путником предстала скалистая гряда, в которой — о, радость! — обнаружились вместительные углубления. Это были самые настоящие пещеры, пригодные для того, чтобы в них ночевать и укрываться от непогоды. Ну разумеется, пещеры не шли ни в какое сравнение с оборудованными на океанском лайнере каютами! В прежней робинзоновой каюте находилась койка, застеленная свежими бельевыми принадлежностями, и платяной шкафчик, в котором можно было хранить одежду, имелось даже специальное место для пассажирского чемодана, с высокими поручнями, чтобы чемодан не свалился на голову пассажира по время качки. А еще в каюте уютного океанского лайнера были стены, пол и потолок — все из крепких струганных досок, таких теплых в сравнении с холодными каменными стенами пещеры. Но делать было нечего: приходилось довольствоваться теми стенами, какие имелись в текущий момент в распоряжении... то есть каменными.

«Зато пещера не раскачивается», — подумал Робинзон стоически, не в том смысле, что подумал об этом стоя, а в том, что подумал с мудрой улыбкой, какой улыбался древнегреческий стоик Зенон, учивший переносить испытания с мужеством и терпением.

Еще раз вздохнув, он — Робинзон, разумеется, а не стоик Зенон, который давно умер, — выбрал себе пещеру попросторней, кинул в угол сдутый надувной матрас и, окончательно смирившись со своим новым жилищем, принялся размышлять, где бы найти еду. Он принялся размышлять о еде, потому что за время своей лесной прогулки почувствовал сильный голод. По счастью, думать об утолении жажды не приходилось: еще по пути к пещере обнаружилось множество чистых ручейков, из которых Робинзон вволю напился и наполнил пустой бокал. Но пища...

Под требовательную, но незамысловатую мелодию, доносившуюся из пустого желудка, Робинзон вышел из пещеры и налегке направился в поисках пищи куда глаза глядят. Он обязан был отыскать пищу, потому что еще ни одному Робинзону в мире не удавалось выжить на необитаемом острове без запасов пищи — это наш Робинзон знал совершенно точно.

Однако еды почему-то не попадалось.

Большинство людей считает, что если необитаемый остров тропический, то на нем в изобилии должна водиться разная съедобная живность и на каждом шагу произрастать фрукты и овощи. С неба должны слетать непуганые куропатки, из кустов выглядывать филейные кабанчики, а с деревьев свешиваться гроздя спелых абрикосов. Ничего подобного, к сожалению! Робинзон довольно долго пробирался сквозь колючий тропический кустарник, но не смог сорвать ни одной грозди спелых абрикосов, не говоря уже о том, что не встретил непуганых куропаток и филейных кабанчиков, хотя, высматривая их, сильно расцарапал кожу о колючий кустарник. Колючего кустарника на тропическом острове было завались, а вот спелых абрикосов и филейных кабанчиков — по крайней мере, на первый взгляд, — не наблюдалось.

Полный сомнений по поводу того, водятся ли вообще на его необитаемом острове филейные кабанчики, а если водятся, возможно ли их добыть, Робинзон шел, шел и шел по густому тропическому лесу, пока не уперся в морское побережье.

Волны накатывали на песчаный пляж, на котором не было ничего говорящего о наличии цивилизации. Ни одного пассажирского чемодана, ни одной банки с консервированными ананасами, которые были сложены красивыми пирамидками в корабельном буфете, не возвратил океан из бездонных пучин. Все песчаное побережье, насколько хватало зрения, было девственно-желтым, усеянным белыми, высушенными на солнце раковинами.

«Неужели мне, единственному спасшемуся в кораблекрушении, суждено умереть с голоду? И где, на каком-то необитаемом острове?» — подумалось в тот момент Робинзону.

Голодная смерть казалась неминуемой.

С содроганием в душе — ибо он совсем недавно и с таким превеликим трудом выбрался из бушующих волн на берег, — Робинзон разделся и зашел в океан по пояс, мысля выловить себе на обед что-нибудь рыбное.

Рыб в океане водилось предостаточно. Рыбы, и самые разные — желтые, красные, пестрые, большие и малые, — вились в хороводе вокруг Робинзона, чуть ли не дотрагиваясь до него своими молчаливыми ртами, но когда Робинзон протягивал руки, морская живность лениво и немножко небрежно, можно сказать насмешливо, отклонялась в сторону. Рыбы даже не уплывали прочь, а продолжали крутиться вокруг голодного, раздосадованного неудачей Робинзона.

Поняв, что в этой столовой рыбного блюда не подадут, Робинзон вышел из океана на берег и в изнеможении опустился на влажный песок. К горлу подступил отвратительный голодный комок.

Обозленный увертливостью рыб, не желавших послужить ему обедом, Робинзон зачерпнул горсть раковин, валявшихся поблизости, и что есть силы сжал их в кулаке. Пустые раковины хрустнули и затрещали. Из одной раковины, оказавшейся полной, в лицо Робинзону ударил пахучий сок моллюска. Таких моллюсков частенько подавали на завтрак в кают-компаниях, причем раскрывать их плотно сжатые створки полагалось специально предназначенными для этого плоскозубцами. В ресторанах моллюсков употребляли в пищу сырыми, сдабривая соком лимона и посыпая пряными индийскими специями... Однако на голодный желудок и это сгодилось.

Робинзон с жадностью проглотил моллюска.

Для утоления голода крохотного животного оказалось недостаточно, поэтому Робинзон принялся хватать с песка другие раковины, в попытке найти несколько полных — прошло немало времени, прежде чем ему это удалось. Немного насытившись, Робинзон оглянулся на дело рук своих и увидел истоптанный на несколько сотен метров пляж и раздавленные пустые раковины, грудями разбросанные по песку там и сям. И это после того, как на океанском лайнере для получения аппетитных, сложенных по периметру тарелки моллюсков, требовалось вполголоса произнести:

— Стюард, завтрак, пожалуйста!

И тарелка с моллюсками оказывалась перед твоим носом как по мановению ока.

«Так жить нельзя, — подумал содрогнувшийся и снова уже проголодавшийся Робинзон. — Не могу же я только тем и заниматься, что сутками бродить по пляжу в поисках раковин? Интересно, сколько приходится полных раковин на тонну пустых? Я так все побережье перекопаю! Нет, надо что-то срочно предпринимать, а то с этим НАТУРАЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ недолго и ноги протянуть».

Робинзон в сердцах упомянул натуральное хозяйство, и упомянул его совершенно правильно, ибо «натура» переводится с латыни как «природа». Таким образом, натуральное — это такое хозяйство, которое ведется на природе, без всякой со стороны соплеменников помощи. Именно такое хозяйство — подобно древним людям, которые тоже не слишком роскошествовали, перебиваясь разными случайными находками вроде съедобных моллюсков или корешков, — и вел Робинзон в первые часы своего пребывания на необитаемом острове.

Он занимался этим не менее двух или трех часов, а натуральное хозяйство никак не могло обеспечить привычного ему уровня питания и комфорта. Чувствовалось: пора — ох, пора! — с натуральным хозяйством завязывать и переходить к более прогрессивным стадиям экономического развития... вот только каким? Робинзон понятия не имел. Он и натуральное хозяйство упомянул

случайно — просто с языка сорвалось, — однако на обратном пути в пещеру обнаружил новые и, надо сказать, весьма привлекательные возможности экономического развития.

Случилось это так.

Понимая, что путь от пещеры до побережья неблизкий, а аппетит по утрам волчий, Робинзон решил еще немного помучиться и насобирать съедобных моллюсков на завтрак: чтобы утром с голодухи не помереть. За пару часов он насобиравал пригоршню. За робинзоновой спиной по прибрежной полоске пляжа оставался истоптанный и изрытый песок, как будто экскаватор прошелся по песку своими тяжелыми гусеницами, но что было поделывать?! Натуральное хозяйство на то и натуральное, чтобы добывать пищу в поте лица своего.

Сложив найденные раковины с моллюсками в вогнутый лист тропического лопуха, сорванного тут же, у пляжа, Робинзон зашпешил в пещеру, а поскольку шел к побережью не самым коротким путем, решил сократить дорогу. Наметив приблизительное направление, он бодро зашагал по тропическому лесу, держа лопушиный лист с раковинами на вытянутых руках, чтобы не растерять завтрак. Он шел и наслаждался относительной сытостью и безопасностью. Совсем недавно Робинзону угрожало утопление в океанских пучинах, угрожала голодная смерть на необитаемом острове, но он благополучно выбрался из пучин, спасся от голодной смерти и намерен был продолжить хозяйствовать на своем необитаемом острове и завтра.

Робинзон совсем замечтался. Ему, хотя живот сводило при этом протестующими спазмами, уже грезились горы съедобных моллюсков, которые он завтра насобиравает на побережье. И пусть съедобные моллюски не политы лимонным соком и не посыпаны специями, как полагается в цивилизованном мире, все равно, как радостно и приятно наслаждаться плодами своего, пусть и не очень эффективного в условиях натурального хозяйства, труда!

До домашней пещеры оставались какие-то пустыки, как вдруг...

Робинзон, держа лист с раковинами на вытянутых руках и предвкушая первую ночевку в пещере, обогнул дерево с множеством свисающих сверху корней, как вдруг столкнулся с группой каких-то густо раскрашенных людей — туземцев, не иначе, — которые вышли из-за дерева и при виде Робинзона тоже остолбенели. Так, в полном остолбенении, столкнувшиеся нос к носу Робинзон и туземцы смотрели друг на друга, не решаясь что-либо предпринять.

«Ни фиги себе необитаемый остров!» — мелькнула у Робинзона первая и единственная на тот момент мысль.

Вероятно, то же самое подумали и туземцы, потому что на их лицах отобразилось не меньшее удивление.

И тут Робинзон заметил, что у одного из туземцев заливчатски перекинута через плечо большая — прямо-таки неприлично большая! — гроздь бананов.

В тот момент, когда Робинзон увидел банановую гроздь на плече туземца, робинзонов желудок, тоже обративший внимание на бананы и по-своему от-

реагировавший, издал восторженное восклицание. Какое-то время Робинзон и его желудок не могли думать ни о чем, кроме грозди бананов на раскрашенном туземном плече. Робинзон пытался просверлить эти неожиданные бананы взглядом, воображая, какая у бананов внутри, под мягкой кожурой, аппетитная начинка, и чем больше он воображал себе эту бледно-желтую аппетитную начинку, тем более восторженные восклицания издавал его не удовлетворенный сырыми моллюсками желудок.

Весь поглощенный мыслями о бананах, Робинзон подзабыл о туземцах и вспомнил о них только тогда, когда один из туземцев, тыча пальцем в его сторону, закричал:

— *Куки-наки!*

Этот вопль можно было бы расценить по-разному — например, как призыв съесть заблудившегося белого человека живьем, — но Робинзон был настолько поглощен созерцанием бананов, что не успел испугаться.

— *Куки-наки! Куки-наки!* — поддержали первого остальные туземцы, вытягивая в направлении Робинзона указательные пальцы, и из их круглых, как волейбольные мячи, животов раздалась мелодия, очень похожая на звучавшую из живота Робинзона.

И тут Робинзон, как ни был занят созерцанием грозди бананов, заметил: туземцы показывают не столько на него самого, сколько на вогнутый лист лопуха, в котором были сложены приготовленные на завтрак моллюски и который Робинзон продолжал держать на вытянутых руках.

— *Куки-наки! Куки-наки!* — продолжали приговаривать туземцы, облизываясь.

— Это съедобные морские моллюски, — неуверенно выговорил Робинзон и встряхнул лист, отчего раковины, полные живых моллюсков, зазвенели друг о друга колокольчиками.

— *Куки-наки!* Ням, Ням... — продолжали облизываться туземцы.

— Бананы, — кивнул в сторону банановой грозди Робинзон, начавший что-то соображать.

— А, *Бона-мона*, — пренебрежительно отмахнулись от банановой грозди ее владельцы. — *Куки-наки поругадо бо!*

Робинзон не мог точно знать, что такое *куки-наки* и насколько они *поругадо бо*. Он вообще не разобрал в странном туземном наречии ни слова, но догадался: у туземцев моллюски ценятся гораздо больше бананов. Вероятно, туземцы жили на другой стороне необитаемого острова, где произрастало много бананов, а вот моллюсков не водилось, поэтому моллюски и ценились у туземцев больше бананов. Точно так у цивилизованных народов черная икра ценится намного больше селедки, хотя по вкусу они довольно похожи. И почему, спрашивается, все так мечтают попробовать меленькой и полузасохшей черной икры, которой тебе родители и на бутерброд-то как следует намазать не позволят, и совершенно не радуются, когда на стол подают большую и жирную, хорошо пригото-

ленную селедку? Только по той причине, что селедку может попробовать любой желающий, а вот попробовать черной икры — далеко не каждый.

Сообразив, что туземцы не против того, чтобы отдегустировать набранных им моллюсков, Робинзон заулыбался во весь рот:

— Моллюски!

— *Куки-наки!* Моллюски! — подтвердили облизывающиеся туземцы.

Тогда Робинзон, указывая на гроздь таких спелых, таких привлекательных для него бананов, продолжающую как ни в чем не бывало висеть на туземном плече, вновь прокричал:

— Бананы! *Куки-наки!* Меняю мои *куки-наки* на ваши *бона-мона*. Ну так что, по рукам?

Туземцы поняли и на секунду сгрудились.

— *Куки-наки! Бона-мона! Поругадо бо! Но момунто!* — послышались из толпы оживленные, что-то обсуждающие голоса.

Видимо, кулинарные свойства морских моллюсков ценились местной кухней чрезвычайно высоко, потому что решение было принято незамедлительно. Раскрашенная толпа развалилась на составные части, и к ногам Робинзона пала сочная гроздь, а Робинзон в свою очередь передал туземцам лист лопуха с моллюсками.

— *Куки-наки!* — проорали туземцы в восторге.

— Друзья! — подхватил Робинзон.

— *Борботуро!* — воскликнули туземцы и бросились к Робинзону обниматься.

Они еще долго терлись щеками и хлопали друг о дружку по бокам, пытаясь выразить совершенное удовлетворение, полученное сторонами от состоявшейся сделки.

Однако солнце начинало клониться к закату. Робинзон и не заметил, как первый день его пребывания на необитаемом острове подошел к концу. Надо было поспешить в домашнюю пещеру — если, конечно, Робинзон не хотел заночевать в девственном лесу, а этого Робинзон, понятное дело, не хотел. По всей видимости, туземцы тоже намеревались добраться до места ночевки за светом, поэтому, еще раз похлопав противоположную сторону по доступным частям тела, все разошлись довольные: Робинзон — со связкой бананов на плече, радостно гомонящие туземцы — с завернутыми в лист тропического лопуха морскими моллюсками.

Добравшись до домашней пещеры, Робинзон с наслаждением отломил от грозди самый большой и спелый банан. Живот издал последний нетерпеливый звук и быстро замолк, когда кусок банана скатился вниз по пищеводу. О, какое наслаждение! Тропические бананы оказались намного вкусней и питательней сырых моллюсков — тем более что моллюсков, не политых лимонным соком и посыпанных пряными специями.

До самой полночи Робинзон кушал бананы и мечтал о том, как завтра наберет на побережье как можно больше моллюсков и обменяет их на бананы,

которые, как теперь было совершенно понятно, туземцы умеют отыскивать гораздо лучше него.

На сытый желудок он не заметил, как натуральное хозяйство, просуществовав с момента его появления на необитаемом острове несколько часов, подошло к своему естественному завершению. Натуральное хозяйство оказалось заменено простыми обменными отношениями — ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОБМЕНОМ, в который Робинзон вступил при встрече с туземцами.

День второй

Вчерашние туземцы. — Поимка дикой козы. — Насколько важна кооперация. — На необитаемом острове устанавливается законность. — Робинзон в туземной деревне. — Твое-мое-ваше-наше. — Длиннорукие, длинноногие и головастые.

На следующее утро Робинзон поднялся с надувного матраса, на котором ночевал, бодрым и выспавшимся. Спать было зябко — ночи на необитаемом острове и впрямь оказались прохладными, — но ничего. Вечером он соорудит одеяло из травы помягче — тогда никакая ночная прохлада не будет страшна!

Несмотря на то, что озяб, Робинзон был преисполнен энергии и надежды. Он, как уже говорилось, намеревался добраться до пляжа, на котором набрать как можно больше моллюсков, которых — разумеется! разумеется! — обменять у добродушных туземцев на съестное, даже не на бананы, а что-нибудь более существенное. Сейчас он с удовольствием съел бы гусиную печень, приправленную конфитюром из инжира.

С мыслями о конфитюре — что, к несчастью, плохо совмещалось с натуральным хозяйством, — Робинзон покинул домашнюю пещеру, вдохнул свежий морской воздух и вприпрыжку отправился по натоптанной тропинке. Вокруг него цвела и плодоносила экзотическая растительность: пальмы, фикусы, баобабы и тропические цветы самых разнообразных видов и раскрасок, от маленьких, размером с ноготь, до огромных, величиной с футбольный мяч. Хотя колючий кустарник тоже, к сожалению, попадался.

Увы, в это утро Робинзону не суждено было добраться до побережья.

Не успел он пройти и пары миль, как — надо же такому случиться! — столкнулся со вчерашними туземцами, которые тоже путешествовали налегке.

— *Бона-мона! Но момунто моллюски! Бона-мона прегундо*, — залопотали туземцы, начавшие перенимать у Робинзона некоторые из его словечек.

И они замахали руками, наглядно показывая, что пока *бона-мона* отсутствуют, потому что висят высоко на банановом дереве, но в самом скором времени они, то есть туземцы, достанут означенные *бона-мона* с высокого бананового дерева и принесут Робинзону, в расчете получить от него вождеденные *куки-наки*.

— Отлично, ребята, договорились! — заверил их Робинзон, уверенный, что отыщет на пляже достаточное количество полных раковин.

Наверное, так и бы случилось, то есть туземцы бы отправились в одним им ведомый банановый лес за бананами, а Робинзон на побережье за ведомыми ему морскими моллюсками, если бы кусты не раздвинулись и на всеобщее обозрение не выскочило довольно грязное, вместе с тем упитанное животное. Этим животным была самая настоящая дикая коза. Робинзон догадался, что она дикая, потому что на шее козы не висело колокольчика, какие вешают на шею каждому домашнему животному. Туземцы тоже оторопели от неожиданности, а коза, видя перед собой целое сборище людей, заблеяла от испуга и, не будь душой, сиганула обратно в густой кустарник.

— *Баракунда!*

Так вот именно завопили туземцы — причем Робинзон, к своему искреннему удивлению, завопил вместе с туземцами и даже громче их, — и рванули за *баракундой*, то есть козой. *Баракунда* обернулась и, увидев, что ее преследуют с недвусмысленными — безусловно, кровожадными — намерениями, заблеяла громче и наддала ходу. Преследователи не отставали.

По всей видимости, коза значилась в местной кулинарии еще большим деликатесом, чем моллюски, потому что туземцы мигом забыли о бананах, которые им надлежало обменять на раковины с моллюсками, как и Робинзон забыл о моллюсках, которые ему следовало обменять на бананы. Сейчас ему мерещился не инжировый конфитюр, а нормальная отбивная, хорошо прожаренная, с луком и гарниром из отварного риса, какую он любил заказывать в ресторанах. Но для того, чтобы получить нормальную отбивную, ее требовалось сначала изловить, относительно чего у будущей отбивной имелось собственное, отличное от общего мнение. *Баракунда* не сдавалась и носилась по лесу почем зря, причем время от времени — несомненно, затем чтобы сбить преследователей с толку, — меняла направление. Вероятно, преследователи в конце концов потеряли бы ее из виду, но испуганное животное громко блеяло, тем самым выдавая свое местонахождение.

После нескольких минут суматошной беготни по зарослям Робинзон обратил внимание на то, что туземцы преследуют козу хаотично, в основном выстроившись в затылок друг другу, тем самым бегут по одной линии. Несмотря на то, что раньше он диких животных никогда не ловил, такой способ ловли показался Робинзону неправильным.

— Стойте, друзья! Здесь! Стоять! — крикнул он туземцам.

Туземцы, тяжело дыша, остановились. Где-то рядом слышалось блеяние козы, совсем обезумевшей от страха: блеяние то отдалялось от людей, то приближалось к ним на какие-нибудь двадцать-тридцать шагов.

— Так мы ее не поймает, — объяснил Робинзон туземцам свою задумку. — Нам надо прочесывать лес цепью. Цепью, понимаете, а не в затылок?

— *Кора-бора?* — переспросили туземцы.

— Вот так, а никакие не *кора-бора*. Цепью...

И Робинзон, схватив за руки туземцев, смотрящих друг другу в затылок, быстренько повернул их на четверть оборота, сам заняв крайнюю позицию и указав в сторону, откуда слышалось бляение. Туземцы утвердительно переглянулись и помахали в готовности длинными размалеванными руками.

— *Баракунда!*

Вскричав «*Баракунда!*», они с новым энтузиазмом кинулись на ловлю *баракунды* и быстро в этом преуспели. Если раньше, когда туземцы бежали, выстроившись друг другу в затылок, козе стоило немного отклониться в сторону, чтобы сразу же оторваться от преследователей, то теперь, изменив направление, она немедленно упиралась в соседнего преследователя, и с испуганным бляением кидалась в противоположную сторону.

Вскоре беглянку удалось загнать на каменистый утес.

— *Баракунда! Паркому тойми!* — голосили туземцы в восторге от того, как замечательно все удалось.

Несколько человек полезло вверх, чтобы схватить козу и свести ее вниз на растерзание, но гордое животное предпочло броситься с высокого утеса к ногам победителей.

Было очевидно, что одному Робинзону поймать дикую *баракунду* ни за что не удалось бы, но точно так же не удалось бы поймать ее и туземцам, которые, как выяснилось, совершенно не умели ловить диких *баракунд*, ибо не имели понятия о таком старинном охотничьем способе ловли диких животных как прочесывание леса цепью. Таким образом, поимка была осуществлена совместными усилиями туземцев и Робинзона — как говорят экономисты, на основе **КООПЕРАЦИИ**.

Кооперация как раз и означает: совместными усилиями. Когда несколько грузчиков совместно несут тяжелый мешок или перекатывают неподъемное бревно, они действуют совместно, иными словами, кооперируются. Не скооперировавшись, они не смогут совершить намеченное: поднять тот же мешок или стронуть с места бревно. Если грузчики приложат к мешку или бревну те же самые усилия, которые прикладывают при совместной переноске или перекатывании, но приложат их последовательно — то есть одно усилие за другим, без кооперирования, — мешок не поднимется, а бревно не сдвинется с места. Поэтому гораздо эффективней работать вместе, на основе кооперации, чем порознь.

Робинзон никогда не обучался на экономиста и не знал, что такое кооперация. Довольный тем, как скоро их совместными усилиями животное было поймано, он просто наблюдал, как воодушевленные туземцы суется вокруг упавшей с утеса бездыханной козы.

Туземцы суетились вокруг бездыханной козы в том смысле, что принялись разделять ее тушу острыми камешками. Сначала они отделили от козы шкуру, в результате чего коза осталась совсем голый, потом стали отрезать куски

нежного, сочащегося кровью мяса и отбрасывать кости. Робинзон в это время стоял поодаль. В его голове вертелась отбивная, хорошо прожаренная, с луком и гарниром из отварного риса — точно такая, какую он заказывал неделю назад в корабельном ресторане. Вместе с этой, весьма назойливой мыслью в его голове вертелась другая: надо бы забрать себе козью шкуру и пошить из нее одежду. Широкие и колючие листья кустарника, которыми он пока прикрывался, изрядно пообносились, да и использовать их в качестве одеяния было неудобно. Когда Робинзон пробирался по зарослям, колючки одежды сцеплялись с колючками других растений, поэтому одежда напоминала одну потрепанную, вывернутую наизнанку липучку.

Наконец туземцы завершили разделку. На плоский камень выложили несколько кусков сырой козлятины, а снятую с козы шкуру бросили рядом.

— *Баракунда!* — еще раз воскликнули окончившие работу туземцы и возпросительно поглядели на Робинзона.

Тот уверенными шагами приблизился к камню, на котором красовалась разделанная добыча, и выбрал себе самый большой из кусков.

— *Пригма на! Пригма на!* — одобрительно загудели туземцы, забирая остальные.

В этот момент Робинзон сделал шаг к валявшейся поодаль козьей шкуре и поднял ее. Возле утеса наступило молчание. Робинзон сам почувствовал: что-то не так, — поэтому обратил взор на туземцев.

— *Пригма на! Пригма на!* — вновь загудели туземцы, но уже не одобрительно, а совсем наоборот, как бы немного протестующе.

— Что-то не так, ребята? — спросил их Робинзон с достаточно жесткой интонацией.

— *Пригма на! Бокуи вон марто!* — ответили местные, жестами показывая, чтобы Робинзон возвратил им шкуру.

В другой ситуации Робинзон, возможно, так бы и поступил, но шкура была ему крайне необходима. Ну посудите сами, не мог же Робинзон продолжать ходить в рубашке и штанах из колючих листьев?! Одежда всегда делалась и будет делаться из шкур животных, которых у Робинзона как раз не было, поэтому-то он и забрал себе первую подходящую содранную шкуру, какую увидел.

Робинзон попытался обрисовать свое плачевное положение, однако абсолютно убедительные с его точки зрения аргументы не смогли отрезвить туземцев — вероятно, из-за того, что сами туземцы ходили практически голыми и не могли оценить железную робинзонову логику насчет необходимости ему кожаной одежды.

Туземцы горячо залопотали, обсуждая между собой требование Робинзона, и вскоре пришли к определенному выводу. Один из туземцев — не очень приятный тип с бородкой клинышком, — продолжая широко улыбаться и указывая пальцем на козью шкуру в руках Робинзона, закивал ему — в том смысле, что хорошо, хорошо, мол: забирай на здоровье такой необходимый тебе

предмет, — но сам при этом, подойдя к Робинзону вплотную, выхватил у него из рук кусок мяса, который Робинзон облюбовал для отбивной. То есть туземец с бородкой клинышком дал понять Робинзону: если тот желает забрать себе шкуру — нет проблем, пожалуйста, однако для равноценности дележа, придется возвратить кусок мяса.

Все-таки они были чрезвычайно примитивным народом, эти туземцы. Неужели сложно было понять, что Робинзону нужен как кусок козьего мяса, чтобы приготовить из него нормальную отбивную, так и козья шкура, чтобы сшить из нее одежду?! По этой причине требования о возврате либо того, либо другого были попросту неразумны.

Робинзон попробовал, не отдавая шкуры, забрать у туземца облюбованный кусок мяса, но туземец — чтобы отличать туземцев одного от другого, Робинзон окрестил его Бузотером, — не отдал. Жестами Бузотер дал понять белому человеку: либо то, либо другое. Этот самый Бузотер стоял перед Робинзоном с его куском козьего мяса в руках и самым нахальным образом не возвращал мясо, по всей видимости, ожидая от Робинзона выбора: что дороже его сердцу, козья шкура или кусок козлятины.

Тут Робинзон, признаться, вспылил. В обычное время он был мирным и благородным человеком — как говорили на его родине, джентльменом, — но тут оказались затронуты его жизненные интересы: будет ли на обед хорошо прожаренная, с луком и гарниром из отварного риса козлятина и найдется ли материал для пошивки костюма, а когда речь заходит о жизненных интересах, самый завзятый джентльмен превращается в самого отъявленного громилу. По этой причине Робинзон, возмущенный несправедливыми требованиями до глубины души, огрел Бузотера кулаком по лбу. От неожиданности тот осел на землю, а остальные туземцы опешили.

— ЗАКОН! Справедливость! Порядок! — громовым голосом провозгласил Робинзон и несколько раз пнул ногами лежащего на земле Бузотера.

После чего, на правах победителя, забрал у него вырезку, а чтобы остальным туземцам жизнь медом не казалась, заимствовал у них несколько больших филейных кусков. В результате козья туша оказалась поделенной приблизительно надвое, то есть пополам: одна половина досталась Робинзону, а вторая половина туземцам.

— Закон! Закон и еще раз закон! — повторил Робинзон, чтобы туземцы получше запомнили это слово, которое в дальнейшем им предстояло слышать неоднократно.

— *Паргудо кордумо*, — только и смогли вымолвить не ожидавшие такого оборота событий местные.

Один Бузотер, поднявшись с земли, ничего не молвил, а молча ощупал образовавшийся на лбу большой, продолжающий увеличиваться в размерах синяк. Однако Бузотер сам был виноват. С какой стати он пытался ставить Робинзону какие-то дурацкие условия типа: либо мясо, либо козья шкура? —

а затем выхватил из его рук кусок козлятины, как будто белому человеку не нужна была хорошая отбивная на обед и добротная одежда на плечи? В конце концов, это же Робинзон показал туземцам, как прочесывать лес широкой охотничьей цепью — без такого прочесывания юркую испуганную *баракунду* туземцам ни за что бы не изловить. На что они рассчитывали, эти глупые туземцы, когда выдвигали к Робинзону неисполнимые требования? Разве подобные требования могли быть законными?

По мнению Робинзона, требования туземцев не были законными. У первобытного племени не могло быть никакого представления о законе, поэтому Робинзон, дабы туземцы еще раз прониклись важностью исполнения закона, ударил себя кулаком в грудь и трижды произнес:

— Закон! Закон! Закон!

— Сакон! Сакон! Сакон! — с уважением глядя на костлявые кулаки джентльмена, повторили вслед за Робинзоном сломленные, как бы загипнотизированные туземцы.

Позднее Робинзон много размышлял о том, каким образом на необитаемом острове восторжествовал закон, анализировал свое поведение в этой спорной ситуации и поведение туземцев, и в конце концов пришел к неопровержимому юридическому выводу, что поступил верно. Развитое экономическое общество могло быть построено лишь в условиях соблюдения законности и порядка, поскольку — если кто-то откажется строить развитое экономическое общество, то оно и не будет построено. Следовательно, закон должен действовать в отношении всех членов общества, в том числе и самого Робинзона... но ведь закон так и действовал, не правда ли? Если бы Робинзон был против того, чтобы забрать себе и кусок козлятины, и козью шкуру, то есть выступил бы против законного способа распределения добычи, тогда, конечно, он нарушил бы законный порядок и его следовало со всей силы огреть кулаком по лбу. Однако Робинзон не возражал против того, чтобы забрать себе лучшую часть совместной добычи, поэтому и огрел по лбу не себя, а выступившего против законного порядка Бузотера. Тем самым Бузотеру досталось на орехи совершенно по справедливости.

«Так и в будущем должно быть, — решил Робинзон в заключение своих совестливых размышлений. — Если кто-нибудь посмеет не исполнять моих законных распоряжений, сразу получит кулаком по лбу, и все разговоры. Я обязан поддерживать на необитаемом острове неукоснительный порядок. Кто сказал, что закон не должен быть суров в отношении тех туземцев, которые его не исполняют — всяких там Бузотеров и прочих подстрекательских элементов? Закон суров, но справедлив — в этом его сила».

С той минуты, когда Робинзон приструнил Бузотера, на необитаемом острове действительно воцарился неукоснительный порядок — в том смысле, что белому человеку никто не противоречил.

Добившийся своего Робинзон намеревался уже отправиться в свою домашнюю пещеру, где заняться приготовлением нормальной отбивной и по-

шивом одежды, но внезапно сообразил: а что если туземцы, убоявшись строгости закона, никогда больше не выйдут на протоптанную тропинку, вообще не посетят местность, где спасшийся при кораблекрушении Робинзон нашел убежище? Придется опять вести натуральное хозяйство. Но собирать съедобные раковины — особенно после такой богатой добычи, как упитанная коза, — как-то не улыбалось. Поэтому, полный желаний организовать на необитаемом острове самую современное и передовое хозяйство, Робинзон принял волевое решение: отправиться вместе с туземцами в их туземную деревню, чтобы ознакомиться с ее местоположением и на месте произвести общее, так сказать, инспектирование.

— Я! Иду! С вами! Вы! Меня! Проводить! К своим! Хижинам! — попытался он донести мысль до туземцев.

Те, прижимая к груди мясные остатки, помалкивали.

— Жижинам! Закон! *Баракунда паргудо кордumo!* — наконец повторили туземцы, соглашаясь.

Они согласно закивали подбородками и, взвалив на плечи доставшуюся им долю, направились в противоположную пещере сторону. Робинзон пристроился в конце процессии, наблюдая, как бы кто из туземцев не сбежал. Так, на всякий случай. Впрочем, строгость закона и неукоснительность наказания за его неисполнение оказала на местных столь благодное воздействие, что туземцы и не думали сбежать, а привычно двигались в известном им направлении, изредка оглядываясь проверить, не отстал ли Робинзон.

Робинзон в самом деле отставал, поскольку идти по тропическому лесу с несколькими кусками мяса и козьей шкурой наперевес было несподручно. Вскоре, совсем умаявшись, он приказал туземцам остановиться. Процессия послушно затормозила.

— Ты, — сказал Робинзон, наставляя указательный палец в грудь одного из туземцев, а именно Бузотера. — Мне тяжело. Возьми мой груз мяса. Шкуру, так и быть, понесу сам.

Бузотер, на лбу которого красовалась внушительная шишка, не ответил.

— Исполний немедленно, — пригрозил ему Робинзон. — Это закон, понял? Если не исполнишь мое законное требование, снова получишь по лбу.

Бузотер сверкнул глазами и скривился, но — видимо, памятуя о неотвратимости наказания за неисполнение законных робинзоновых требований, — взвалил дополнительный груз на плечи. В таком порядке они прошествовали по тропическому лесу еще около получаса, когда передние из туземцев что-то приветственно загорланили, и процессия вышла из зарослей на очень приятную солнечную поляну, на которой располагалось туземное поселение.

Поселение состояло из нескольких десятков небольших по размеру хижин, сплетенных из тонких прутьев неизвестного Робинзону кустарника и прикрытых сверху разлапистыми пальмовыми листьями. Вокруг хижин суетились раскрашенные жители: одни растирали в деревянных плошках что-то съедобное,

другие просто стояли возле хижин и разговаривали, третьи — чумазные туземные детишки с отвисающими животами — бегали где попало и шалили.

Увидев Робинзона, вышедшего за туземной процессией с козьей шкурой на плече, жители туземной деревни пробормотали что-то изумленное и все как один бросились в его направлении. Одни пытались дотронуться до Робинзона пальцем, вторые обойти вокруг, чтобы убедиться в том, что это настоящий белый живой человек, а третьи — те же туземные детишки — ухватить за коленки.

Тут туземцы, пришедшие вместе с Робинзоном, предостерегающе закричали своим:

— *Калуно мори!* Сакон! Сакон *паругадо по!*

Услышав такие слова, туземцы издали вопль уважения. Перед Робинзоном вмиг образовалось пустое пространство: туземные мужчины и женщины отскочили от Робинзона и смотрели теперь на белого человека во все глаза, в ожидании каких-либо его действий или распоряжений.

— Не бойтесь, друзья, все в порядке, — сказал им Робинзон, пытаясь улыбнуться как можно шире. — Вы в полной безопасности, вас охраняет закон!

При слове «закон» толпа туземцев задрожала и заколыхалась.

— Я хочу узнать, как вы живете, — продолжал между тем Робинзон свою приветственную речь. — На кого еще, кроме коз, охотитесь? Какие фрукты, кроме бананов, собираете? Узнать побольше о вашей жизни и помочь ее изменить, ничего больше! Все ради создания на нашем необитаемом острове комфортных условий обитания. Вы меня понимаете, друзья?

Туземцы зашевелились и потянули Робинзона — как оказалось, в одну из своих хижин: по всей видимости, они приглашали Робинзона заглянуть к ним в гости. Из любопытства Робинзон согласился.

Внутри хижины было тесно и неприглядно: как сыр в масле туземцы явно не катались. Примитивная народность, что и говорить!

— Почему так темно? Неужели сложно проделать в стене отверстие, для лучшего освещения и вентиляции? — деловито спросил Робинзон и тут же, чтобы смягчить строгость при первом знакомстве с жителями туземного поселка, добавил. — Ничего, ребята, не волнуйтесь, что-нибудь обязательно придумаем. И вентиляция, и кондиционеры, все у вас будет. Со временем, конечно.

Тут в углу хижины Робинзон заметил какие-то продолговато-зеленые, незнакомые ему плоды.

— Это что за фрукты? — спросил он обиженно.

— *Вашабо!* *Вашабо!* — загомонили туземцы.

Робинзон поморщился от незнакомого слова.

— Авокадо, что ли?

— Авьокадо! Авьокадо! — подхватили добродушные туземные жители.

— Так бы сразу и сказали, что авокадо. А то: *вашабо!* Какое там *вашабо!*!

Еще Робинзон обратил внимание на грязный пол в хижине, на котором валялись разные сучки, сухие листья и другой лишний в жилом помещении мусор.

— Почему в хижине не выметено? — строго обратился он к собравшимся. — Чья это хижина, я вас спрашиваю?

Туземцы явно не понимали вопроса.

— Чья? Хи? Жи? На? — по слогам продиктовал Робинзон, на что необученные туземцы вопросительно переглянулись.

— Чья? Твой? Или твоя? А может быть, твоя? Кто здесь вообще живет? — потерял терпение Робинзон, тыча пальцем то в одного, то в другого, то в третьего туземца.

— *Парока*, — ответил, наконец, один из туземцев, показывая разом на всех своих соплеменников.

— *Парока! Парока!* — согласились соплеменники, сообразив, о чем идет речь.

— Что? — ужаснулся Робинзон. — Вы... это... не знаете, что такое... ну это, как его?... *твое-мое-ваше-наше*.

От волнения Робинзон забыл, как называется «*твое-мое-ваше-наше*» и не мог назвать его туземцам, однако как важно в цивилизованном обществе «*твое-мое-ваше-наше*», он помнил превосходно. К примеру, когда ты покупаешь билет на океанский лайнер, это ты покупаешь билет, а не кто-нибудь другой: ты на этом океанском лайнере и путешествуешь. Именно тебе предоставляют на океанском лайнере комфортабельную каюту, стюард выполняет именно твои просьбы и только для тебя, купившего пассажирский билет первого класса, накрывают в кают-компании обеденный стол. А что бы получилось, если бы билет покупал ты, а обеденный стол в кают-компании накрывали для другого человека, не говоря уже о том, что этот другой человек поселился в твоей комфортабельной каюте? Получился бы полный кавардак — и все из-за отсутствия понятия «*твое-мое-ваше-наше*».

Вы уже догадались, что Робинзон имел в виду понятие СОБСТВЕННОСТИ. Действительно, туземный народец был настолько первобытным, что у него не было в употреблении понятия собственности — или, как назвал его Робинзон, понятия «*твое-мое-ваше-наше*», — одного из фундаментальных понятий современной экономики.

— И это *парока*? И это тоже *парока*? И даже это *парока*? — спрашивал Робинзон, не веря ушам своим и поочередно тыча пальцем в сторону других хижин и разных предметов в них, на что туземцы каждый раз утвердительно отвечали:

— *Парока! Парока! Парока!*

Выходило, что имущество в туземном племени не «*твое-мое-ваше-наше*», а общественное, что в цивилизованных странах совершенно не принято.

Тут в голову Робинзона пришла еще одна, очень важная и своевременная мысль, но какая — он не смог вспомнить сразу. А вспомнив, кинулся к толпе туземцев и принялся искать в ней Бузотера, которому передал куски козьего мяса.

Как оказалось, Бузотер сидел на бревне возле одной из хижин и, смачивая в плошке с ключевой водой мшистый компресс, прикладывал его к поврежденному лбу.

— Где козье мясо, которое я поручил тебе нести? — спросил у него Робинзон, чуя недоброе. — Мясо? Понимаешь, мое козье мясо? Где мясо баракунды?

Бузотер пожал плечами и кивнул куда-то вбок:

— *Парголе.*

В указанном направлении открылась картина, глазу Робинзона не самая приятная. На кусках его мяса, сложенных Бузотером возле хижины, восседал крайне неопрятный и маленький — трехлетний приблизительно — туземный младенец. Один из мясных кусков, причем его наиболее филейная часть, находился в зубах маленького оборванца, который своими маленькими, но прожорливыми челюстями пытался разжевать, а затем и проглотить не принадлежавшее ему имущество.

Робинзон при виде такой картины, естественно, возмущился. С криком протеста он вырвал вырезку изо рта наглого младенца, а самого его ссадил с остальных кусков на землю, результатом чего стал отчаянный детский рев.

— Закон! Закон гласит, что «твое-мое-ваше-наше» неприкосновенно! — объявил он подбежавшим и подобострастно ему внимающим туземцам.

Встревоженная мать давно уже схватила и унесла подальше свое орущее чадо, а Робинзон еще долго рассказывал туземцам о том, чем при ведении современного хозяйства нельзя пренебрегать.

— Если кто-то сорвал банан, или подобрал морского моллюска, или построил хижину из древесной коры, — говорил он собравшимся вокруг туземцам, — то все сорванное, выбранное или построенное является безусловной «твое-мое-ваше-наше» этого человека, которого следует называть владельцем этого имущества. Владелец может делать со своим имуществом, что пожелает: сорванный банан съесть, выбранного моллюска тоже съесть, а в построенной хижине ночевать. И никто — вы слышите, никто! — не имеет права ему это запретить: отобрать у владельца сорванный банан, или выбранного моллюска, или выгнать владельца из построенной им хижины. Если, конечно, закон не предписывает иное. Вы меня понимаете?

Туземцы внимали докладчику с почтением.

— Но давайте поговорим о другом, — добавил Робинзон в конце своего доклада. — Насколько я понял, каждый из вас занимается всеми работами одновременно, то есть один и тот же человек собирает бананы, строит хижины, охотится на диких коз. Однако такой порядок работ неэффективен! Гораздо бо-

лее эффективным будет другой порядок. Если кто-то, кто более приспособлен для сбора бананов — допустим, это туземец, хорошо лазающий по деревьям, — тогда этот туземец должен трудиться исключительно на сборе бананов, в то время как другой туземец, умеющий быстро и качественно строить древесные хижины, должен заняться исключительно строительством древесных хижин, а третий туземец, легкий на ногу, должен охотиться на диких животных. Таким способом вы добудете намного больше продуктов, чем раньше.

Толпа туземцев вопросительно загудела.

— Да, да, сейчас я вам все устрою! — закричал Робинзон, сам загоревшись этой, неожиданно пришедшей ему в голову идеей. — Кому из вас нравится собирать фрукты, шаг вперед. Те, кто намерен заняться строительством древесных хижин, два шага вперед, а любители поохотиться на диких животных остаются на месте!

Делать шаги вперед туземцы побоялись, так что Робинзону пришлось проинвестировать отбор самому.

Наиболее длинноруких туземцев он отобрал для лазания по деревьям, рассудив: индивидуумы с такими длинными руками нарвут огромное количество самых спелых фруктов, до которых их короткоруким собратьям просто не дотянуться. В охотники за козами и другими дикими животными Робинзон, напротив, отобрал самых длинноногих, решив: охотникам, отлавливающим диких животных, приходится много бегать по труднодоступным участкам леса, поэтому длинные ноги — обязательное для всякого хорошего охотника условие.

Определенные трудности возникли с выбором туземцев, чьей профессией должно было стать строительство древесных хижин. Робинзон долго прикидывал, туземцев какого телосложения отобрать на роль строителей, пока не остановился на самых большеголовых — иначе говоря, головастых. Ведь для строительства какого-нибудь сооружения, даже простейшей древесной хижины из веток и листьев, необходима некоторая смекалка и расчет, а самыми расчетливыми и смекалистыми были, без сомнения, туземцы с самыми крупными головами. Головастые туземцы должны были обеспечить население необитаемого острова качественным и недорогим жильем, на что Робинзон очень рассчитывал.

В результате произведенного отбора образовались три группы туземцев: длинноруких, длинноногих и головастых, первым из которых надлежало заняться сбором дикорастущих фруктов, вторым — охотой на диких животных, а третьим — строительством хижин.

Так, сам того не ведая, Робинзон ввел на необитаемом острове СПЕЦИАЛИЗАЦИЮ.

Специализация, или, как ее еще называют, разделение труда — это когда одни люди занимаются сбором фруктов, другие — охотой на диких животных, а третьи — строительством хижин. Каждый занимается тем, что у него лучше

получается. По этой причине фруктов при специализации собирается больше, диких животных отлавливается больше и древесных хижин строится тоже больше, в результате чего все становятся совершенно счастливы, поют песни и танцуют зажигательные народные танцы.

Когда туземцы поняли, какое светлое экономическое будущее их ожидает, они устроили Робинзону настоящую овацию.

— Наша Робин зона! Наша Робин зона! — закричали они восторженно и принялись вытаскивать из хижин, что у кого было.

Разложив что у кого было на пальмовых листьях, туземцы пригласили гостя на пиршество.

Отказавшись от грязных корешков и мохнатых гусениц — съедобных, как уверяли хозяева, — Робинзон угостился бананами и некоторыми другими фруктами. Хотя фруктов было немного. По примеру примитивных нецивилизованных народностей, туземцы жили в бедности, перебиваясь, что называется, с корешков на гусеницы, а с гусениц на корешки. Чего в туземной деревне было вволю, так дружелюбных улыбок и народных танцев под звуки деревянного там-тама.

Когда, до упаду наулыбавшись и натанцевавшись с молоденькими туземками — короче, нагостившись, — Робинзон совсем уже собрался уходить, он стал свидетелем примечательной сценки.

Какая-то туземная женщина взяла в хижине деревянный гребешок причесться. Но, как выяснилось, это была не ее хижина и не ее гребешок, поэтому другая туземная женщина, владелица гребешка, вцепилась в волосы первой туземной женщины с воплем:

— *Саммамудо корбатю!*

Сцепившиеся из-за гребешка женщины покатались по земле, царапая друг друга ногтями и вырывая друг у друга космы, а Робинзон покинул туземную деревню в прекрасном настроении, мысля о том, как быстро, несмотря на примитивность своего развития, туземцы обучаются. Если так продолжится дальше, туземная цивилизация не задержится в экономическом развитии, а в самые сжатые сроки создаст на необитаемом острове условия, необходимые для комфортного существования цивилизованного человека.

Дойдя до домашней пещеры, Робинзон — поскольку дело близилось к вечеру и в лесу на глазах темнело, — не стал откладывать изготовление одеяла, а сейчас же сплел его из мягкого, найденного на ближайшей опушке тростника. Одеяло вышло роскошным: пружинистым и мягким, словно перина в каюте океанского лайнера. Свою долю козлятины, которую Робинзон не забыл принести из туземной деревни, он положил в самый дальний и холодный угол пещеры, и из предосторожности укрыл мясо козьей шкурой — на том и покончил с текущими делами.

Полностью удовлетворенный произошедшими за день событиями, Робинзон поудобней устроился на надувном матрасе и заснул.

День третий

Обустройство в пещере. — Разногласия при экономическом обмене. — Робинзон вводит денежное обращение. — Банановое и молочно-мясное направление. — Соседский воришка. — Введение государственности и всеобщая мобилизация. — Южная окончательность покорена. — Историческая справка о рабовладении.

Утро следующего дня Робинзон посвятил хозяйственному обустройству.

Первым делом он решил приготовить козлятину, в опасении, как бы мясо в жарком и влажном тропическом климате не испортилось. Однако на чем приготовить — вот в чем вопрос? У Робинзона не было не только кухонной плиты, но и простых спичек, чтобы зажечь огонь: в момент кораблекрушения ему было не до спасения с корабельного камбуза кухонной плиты, сами понимаете. Единственное, что у него сохранилось с кораблекрушения — бокал и соломенная трубочка из-под коктейля, не считая, конечно, надувного матраса, на котором Робинзон ночевал, но они для приготовления козлятины категорически не подходили. Можно было засушить козлятину на солнце, благо солнце в тропическом климате палящее, но помозговав, Робинзон решил добыть огонь.

На полу своей домашней пещеры он подобрал несколько камней кремниевых пород и принялся стучать ими друг о друга, высекая искры — и искры действительно посыпались. Тогда Робинзон сложил в центре своей пещеры довольно-таки уютный очаг из камней побольше, выдернул из своей лежанки пучок тростника и изо всех сил ударил друг о друга камнями. Искры упали на сухой тростник, который сразу же загорелся.

Через минуту он уже разводил огонь, подкидывая в него принесенные с ближайшей опушки дрова, а через час было готово прекрасное жаркое из козлятины — без приправ и гарнира, но замечательно прожаренное. Перед тем, как кинуть мясо на раскаленные камни, Робинзон вовремя вспомнил о слюнявых младенческих челюстях и промыл мясо в ручье, но даже воспоминание о туземном малыше, вознамерившемся изжевать его нормальную отбивную, не испортило настроения. Короче, жаркое получилось выдающимся.

Позавтракав, Робинзон принялся за пошивку одежды из козьей шкуры. Для полного комплекта — штанов и рубашки, — шкуры было маловато, поэтому он решил ограничиться одними штанами, с тем чтобы при следующей удачной охоте обзавестись еще одной козьей шкурой на рубашку. Пока же он раскроил козью шкуру и скрепил в нужных местах колючками, получив грубые, но пригодные для ежедневного употребления штаны.

На приготовление обеда и кройку штанов ушел целое утро, поэтому в туземную деревню Робинзон отправился к полудню — ему не терпелось узнать, какие выводы сделали туземцы из его экономических задумок и каких успехов добились.

Едва выйдя к туземной деревне из леса, Робинзон обратил внимание на перемены к лучшему.

Вокруг хижин было навалено множество — гораздо больше, чем во время вечернего пиршества, — бананов и других тропических фруктов, а также пойманных, жалобно BLEЮЩИХ, привязанных к хижинам коз. Количество самих хижин со вчерашнего вечера тоже заметно увеличилось, ведь строительством хижин занимались теперь самые головастые туземцы, в то время как длиннорукие собирали плоды с деревьев, а длинноногие гонялись за козами. Таким образом, туземцы воспользовались преподанными им экономическими уроками — кооперацией и специализацией, — в полной мере.

Робинзон заметил также двух вчерашних туземок, продолжавших драку из-за гребешка. Количество волос на головах дерущихся значительно уменьшилось, что было само собой разумеющимся, ведь с момента конфликта прошло не менее пятнадцати часов. Женщины продолжали проклинать и мутузить друг друга, но уже как-то рассеянно, скорее по привычке, чем из-за природной кровожадности. Рядом валялся сломанный гребешок. Видя такое, Робинзон порадовался, насколько же «твое-мое-ваше-наше», о котором туземки узнали только вчера, вьелось в кровь и плоть этих необразованных людей. Они воспринимали уроки Робинзона чрезвычайно быстро, буквально впитывали их, как сухая губка впитывает влагу, на глазах превращаясь в цивилизованных, понимающих и рассчитывающих свою экономическую выгоду людей.

«Какие сообразительные», — подумал Робинзон.

Сообразительность туземцев показалась ему несколько странной. В тот момент он впервые начал подозревать, что с его необитаемым островом что-то не в порядке — не так, как с другими необитаемыми островами, о которых он читал в художественной литературе. Однако додумать мысль о странной сообразительности туземцев Робинзон не успел, потому что ему пришлось заняться другими вопросами, требовавшими настоящего разрешения.

Несмотря на наступившее в деревне товарное изобилие, туземцы отнюдь не стали сыты и счастливы — напротив, между ними возникли принципиальные разногласия.

Да, конечно: вооружившись передовыми принципами кооперации и специализации, они за одно — сегодняшнее — утро смогли нарвать огромное количество бананов, наловить множество диких коз и выстроить несколько новых комфортабельных древесных хижин... однако теперь все эти бананы, козы и хижины принадлежали туземцам, их нарвавшим, наловившим и построившим. Раньше, до введения частной собственности на добытые продукты, каждый из туземцев до отвала наелся бы бананов, жареной козлятины, а нуждающиеся в улучшении жилищных условий туземцы переехали в новые хижины. Но теперь наестся и переехать было невозможно, потому что новоиспеченные владельцы бананов, козлятины и хижин не соглашались отдать их за просто так, а только в обмен за что-нибудь, то есть за те же хижины, козлятину и ба-

наны. И надо же такому случиться, что владельцы бананов все как один нуждались в козлятине, владельцы козлятины нуждались в хижинах, а владельцы хижин — в бананах! Первые ни за что не соглашались отдать свои бананы за ненужные им хижины, вторые — отдать свою козлятину за ненужные им бананы, а третьи — отдать свои хижины за ненужную козлятину, в результате чего участвующие в обмене стороны так громко орали друг на друга, что на центральной поляне все вконец перепуталось и перемешалось. Робинзону с трудом удалось понять, что к чему.

Осознав проблему, Робинзон впал в задумчивость, пытаясь вспомнить, каким образом подобный конфликт разрешался в цивилизованном обществе.

— Бананы... Козлятина... Хижины... — шептал он, оглядывая скандалящих туземцев.

В голову ничего не приходило. Робинзон никак не мог сообразить, как сделать так, чтобы каждый из участников обмена получил необходимые ему продукты.

И все-таки он придумал! Поразмышляв две или три минуты, он отыскал простое и вместе с тем крайне эффективное решение.

Еще в свой вчерашний визит в туземную деревню Робинзон подметил, что туземцы используют в качестве украшений морские раковины — не такие, в которых водятся съедобные моллюски и которые он еще позавчера, ползая на коленях, собирал по побережью, а намного более красивые: большие и изогнутой формы, представляющие собой большую художественную ценность. Несомненно, эти раковины были на необитаемом острове редкостью: за все время ползания на коленях в поисках съедобных раковин ни одной такой раковины Робинзон не увидел, а если бы увидел, обязательно бы запомнил. Так вот, Робинзон спросил у владельцев бананов, имеются ли у них эти самые красивые художественные раковины. Владельцы важно закивали головами:

— *Сурока! Сурока!* — в том смысле, что имеются, мол.

Тогда Робинзон жестами объяснил владельцам бананов: а не хотят ли они отдать свои раковины в обмен на только что отстроенные хижины. Владельцы бананов с радостью согласились, равно как и владельцы хижин, готовые получить за свой строительный труд ценные для них предметы украшения. Однако владельцам хижин недолго было любоваться на полученные ими раковины, потому что Робинзон предложил бывшим владельцам хижин отдать раковины в обмен на козлятину, на что те опять же с радостью согласились, поскольку козлятина была им нужней раковин. Дело оставалось за малым: уговорить бывших владельцев козлятины отдать раковины бывшим владельцам бананов, которые ныне владели комфортабельными хижинами. После чего раковины совершили полный оборот и вернулись к изначальным владельцам.

Вероятно, вы, прочитавшие эти строки уважаемые дети, не совсем поняли, кто с кем и чем менялся. Но это не важно. Важно, что в результате оборота художественных раковин каждый из туземцев получил желаемый товар: ба-

наны, козлятину или хижины, — так что распоряжениями Робинзона туземцы остались довольны и счастливы.

Доволен был и Робинзон, распорядившийся, чтобы каждый товар на необитаемом острове отныне обменивался на раковины, то есть художественные раковины использовались в качестве СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА.

С этого момента туземная деревня стала напоминать рынок. Со всех сторон слышалось:

— *Аргубадо сурока про! Барракунда сурока пай!* — то есть: меняю бананы на две раковины, или: меняю козлятину на десять раковин, ну и так далее.

Робинзон так и догадался, что, введя на необитаемом острове средство платежа, изобрел ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ.

Смысл денежного обращения должен быть ясен всем. Вместо того, чтобы обменивать ненужную вещь на нужную, ненужная вещь продается, а взамен нее покупается нужная вещь. Тем самым тебе уже не надо искать такого человека, который продает нужную тебе вещь в попытке купить ненужную. Понятное дело, где такого человека найдешь? Вместо этого ты продаешь товар одному человеку — за деньги как средство платежа, — а покупаешь у другого — за те же самые деньги. В результате процесс купли-продажи становится легким и приятным. Робинзон предложил использовать в качестве денег художественные раковины, понятно почему: потому что художественные раковины были самым доступным средством платежа, которое он мог предложить. Точно так, используя раковины в качестве средства платежа, поступали некоторые племена на тропических островах, так что предложение Робинзона было естественно для тропического климата. Но конечно, другие племена использовали в качестве средства платежа и другие предметы, например, каменные жернова, такие тяжелые, что их с трудом могли поднять десятеро. По счастью, таких каменных жерновов на робинзоновом необитаемом острове не было, поэтому он и предложил использовать для денежного обращения красивые, представляющие художественную ценность раковины. Что и было с блеском исполнено.

Надо сказать, туземцы были от денежного обращения в полном восторге. Им так понравилось менять товары на раковины, а раковины на товары, что они принялись меняться без всякой необходимости — исключительно для того, чтобы лишний раз вступить в денежные отношения.

Допустим, владеющий охотничьей дубинкой туземец продавал ее другому туземцу за две раковины, а потом выкупал обратно, но уже за одну. Тот туземец, у которого оставалась на руках дубинка, но при этом чудесным образом возникала лишняя раковина, потирал от радости руки и восклицал:

— *Алюмба мао!* — что означало: обалдеть просто!

Второй туземец, который в результате двойной купли-продажи этой художественной раковины лишился, совсем даже не радовался, а напротив огорчался, но и он от удивления перед премудростями экономики чесал в затылке и произносил: